

Робертсон Дэвис — один из величайших писателей современности.

Малькольм Брэдбери

Самый выразительный, эмоционально насыщенный роман мастера.

The Boston Globe

Идеальный баланс привычной интеллектуальной акробатики, тонкого проникновения в сложные семейные связи, глубокого понимания природы власти и финансов.

Sunday Telegraph

Этот роман как будто не написан, а соткан подобно удивительному гобелену — многослойному, насыщенному мельчайшими деталями.

Time Out

Эпическое странствие из патриархального Уэльса в Америку времен Войны за независимость и в современную Канаду. Фирменная дэвисовская машина времени разворачивает перед нами красочные картины прошлого, исполненные чуда и озорства.

The Los Angeles Times Book Review

Работа серьезной выдержки — мудрая, глубокая и остроумная.

Chicago Sun-Times

Верные поклонники Дэвиса немедленно распознают его страсть к фантастическому и языковой экзотике, коллекционерскую одержимость историческими анекдотами, привычную опору на фольклор и народную мудрость.

Observer

Дэвис отменно разбирался в театре; именно эта любовь наделила «Пятый персонаж», «Мир чудес» и «Лиру Орфея» такой гипнотической силой. И в его новом романе театральные эффекты играют не меньшую роль, как в исторических эпизодах, так и в современных.

San Francisco Chronicle

Такой истории о призраках вы еще не читали!

M. Inc.

Все традиционные элементы чуда по имени Робертсон Дэвис налицо: мудрость и горячность, юмор и озорство, непримиримая индивидуальность и героев, и автора. Разница в том, что эта книга читается как гораздо более личная.

Entertainment Weekly

Блистательное пополнение дэвисовского канона. Кудесник слова и воинствующий эрудит не снижает планки.

Hungry Mind Review

Дэвис развлекается (иначе не скажешь) по полной, давая волю своему врожденному драматизму, любви к историческим подробностям и едкой сатире. Он выстраивает собственный вариант загробного мира, в сердце которого живет вопрос: «Учит ли нас смерть хоть чему-нибудь?»

ALA Booklist

Голос Дэвиса узнается сразу, его манера неподражаема. О этот хитрый всеведущий рассказчик с насмешливым прищуром!..

Houston Chronicle

Робертсон Дэвис — один из самых эрудированных, занимательных и во всех отношениях выдающихся авторов нашего времени.

The New York Times Book Review

Первоклассный рассказчик с великолепным чувством комического.

Newsweek

Канадский живой классик и виртуоз пера.

Chicago Tribune Books

Робертсон Дэвис всегда был адептом скорее комического, чем трагического мировоззрения, всегда предпочитал Моцарта Бетховену. Это его сознательный выбор — и до чего же впечатляет результат!

The Milwaukee Journal

Невероятно изобретательно, сюрпризы на каждом шагу.

The Wall Street Journal

Высокая драма, полная гордости, интриг и страсти.

The Philadelphia Inquirer

Кем Данте был для Флоренции, Дэвис стал для провинции Онтарио. Из историй жизни этих людей, с их замахом на покорение небесных высот, он соткал увлекательный вымысел.

Saturday Night

Психологизм для Дэвиса — это всё. Он использует все известные миру архетипы, дабы сделать своих героев объемнее. Фольклорный подтекст необъятен... Причем эта смысловая насыщенность легко воспринимается благодаря лаконичности и точности языка.

Книжное обозрение

Дэвис является настоящим мастером в исконном — и лучшем — значении этого слова.

St. Louis Post-Dispatch

Оглавление

	I	
Грубый перевод		17
	II	
Восставший Каин		61
	III	
От воды и Духа		139
	IV	
Строитель.....		229
	V	
Сцены из супружеской жизни		321
	VI	
Земля потерянной отрады		381
	VII	
...Двенадцать румбов ветра опять меня зовут.....		459

Посвящается Бренде

Печатники находят по опыту, что одно Убивство стоит двух Монстров и не менее трех Неупокоенных Духов... Ибо Убивство влечет за собой Повешение, к вящему веселию Сброда. Но ежели к Убивству присовокупляются Неупокоенные Духи, никакая другая Повесть с этим не сравнится.

Сэмюэль Батлер (1612–1680)

Грубый перевод

(1)

Я сроду так не изумлялся, как в тот миг, когда Нюхач выхватил доселе скрытое орудие, ударил меня и я упал.

Откуда я знаю, что умер? Мне показалось, я вернулся в сознание через долю секунды после удара. Я услышал, как Нюхач произносит: «Он мертв! О господи, я его убил!» Моя жена стояла на коленях рядом со мной; она пощупала пульс, прижалась ухом к моей груди и произнесла — с самообладанием, удивительным, если принять во внимание обстоятельства: «Да, ты его убил».

(2)

А где же был я? Я наблюдал эту сцену с близкого расстояния, но не из тела, лежащего на полу. Мое тело — в таком ракурсе, в каком я его никогда не видел при жизни. Неужели я и правда был таким крупным мужчиной? Не великан, но ростом в шесть футов и весьма увесист. Видимо, да, ибо вот он я, лежу, облаченный в плохо поглаженный летний костюм — в отличие от моей жены и Нюхача; они оба в чем мать родила или в чем спрыгнули с кровати — моей кровати, — в которой я их застал.

Величайшая банальность человеческой драмы, но для меня внове: муж застаёт жену в постели с любовником, любовник вскакивает, выхватывает скрытое оружие, наносит мужу сильный удар — по-видимому, слишком сильный — в висок, и муж валится мертвый к его ногам. Я уже сказал, что как никогда в жизни изумился такому повороту событий. Ради всего святого, зачем он это? И неужто больше нельзя вернуть все как было — чего страстно желали и он, и я?

Нюхач совсем пал духом; он попятился, плюхнулся задом на кровать и истерически зарыдал.

— Ой, заткнись, — сердито сказала моя жена. — Некогда сейчас реветь. Помолчи и дай мне подумать.

— О боже! — выл Нюхач. — Бедняга Гил! Я не хотел! Это не я! Я не мог! Что теперь будет? Что со мной делают?

— Если поймают, то, скорее всего, повесят, — ответила она. — Прекрати шуметь и делай, что я говорю. Впервые, оденься. Нет, погоди! Сначала вытри эту чертову штуку салфеткой и вставь обратно в футляр. На ней кровь. Потом оденься и иди домой, да позаботься, чтобы тебя никто не видел. У тебя пять минут. Потом я начну звонить в полицию. Шевелись!

— В полицию! — Его испуг был столь карикатурен, что я засмеялся — и понял, что они меня не слышат. Нюхач совершенно утратил мужество.

В отличие от моей жены. Она была мужественна и решительна, и я восхитился ее самообладанием.

— Разумеется, в полицию. Человека убили. Так? Об этом нужно сообщить немедленно. Так? Ты работал в газете и этого не знаешь? Делай, что я говорю, и быстро.

И это любовники? Где же нежность между ними? Потрясение моей жены проявилось только в том, что к ней вернулась старая привычка — то и дело добавлять: «Так?» Мне казалось, я отучил ее от этого, но в грозную минуту привычка возобладала. Моя жена никогда не владела, что называется, хорошим слогом. Она не уделяет достаточно внимания языку.

Нюхач, стаяя и едва волоча ноги, принялся облачаться — в неуместно франтовские одежды, за которые его вечно высмеивали коллеги-журналисты. Но он повинился приказам. Первым делом он взял бумажную салфетку и вытер безобразную металлическую дубинку, выскочившую из его элегантной трости. Ручка трости служила рукояткой также и для дубинки. Затем он вкрутил орудие обратно в тайник. Как гордился он этой мерз-

кой штукой! А ведь я его тысячу раз предупреждал, что люди, носящие при себе оружие, рано или поздно пускают его в ход. Но он считал эту штуку атрибутом крутого мачо, броской приметой маскулинности. Он купил ее за большие деньги в знаменитом магазине в Лондоне. Он утверждал, что это даже лучше, чем трость со шпагой. Но зачем ему вообще нужна была шпага или дубинка? Теперь-то он убедился в моей правоте. Несчастный шпендрик! Убийца. Он убил меня.

Я все еще злился, но не мог и удержаться от смеха. Почему он меня ударил? Наверно, потому, что, застав их *in flagrante*, я пошутил, несмотря на свой гнев. «Боже, Эсме, с кем угодно, только не с Нюхачом!» И он в ярости, подпитанной, вероятно, любовным пылом, выхватил дубинку и треснул меня.

Сейчас он оделся, но явно пока не пришел в себя. Он на цыпочках обогнул мое тело, почти загородившее дверь, вошел в гостиную и двинулся прямо к шкафчику с напитками. И достал бутылку коньяка.

— Нет, — сказала моя жена, последовав за ним в гостиную. — Забыл? До конца спектакля — ни капли.

Она засмеялась, а он — нет. Он вечно повторял эту заезженную шутку в адрес пьющих актеров, но в применении к нему самому она, видно, показалась уже не такой смешной. Он поставил бутылку на место.

— Вытри бутылку там, где ты ее трогал, — велела моя жена. — Полиция снимет пальчики.

«Снимет пальчики!» Это значит — будет искать дактилоскопические отпечатки. Как она владеет полицейским жаргоном! Я восхищался ее хладнокровием. У двери Нюхач повернулся, явно выпрашивая поцелуй. Но моей жене было теперь не до поцелуев.

— Поторопись, да смотри, чтобы тебя не видели, — распорядилась она.

Он ушел — самый элегантный убийца, какого только можно себе представить, но лицо искажено болью. Впрочем, кто обратит внимание на театрального критика, чье лицо искажено болью? Это одна из примет его профессии.

(3)

Как только он ушел, моя жена, все еще обнаженная, как летний ветерок, принялась перестилать постель. Наведя порядок, она плюхнулась на кровать, чтобы остался отпечаток только одного тела. Потом слегка прибралась в спальне, вымыла и вытерла два бокала. Быстро, но тщательно оглядела пол; достала щетку для чистки ковров и почистила ковер. Слегка намочила полотенце и протерла все места, которых мог коснуться Нюхач. В методичности ей не откажешь!

Я наблюдал за ней с восхищением и некоторой долей похоти. Обнаженная женщина прелестна, когда лежит в постели, готовая к любви, но насколько она красивее, когда трудится! Как дивен был изгиб ее шеи, когда она искала возможные отпечатки пальцев! Отчего она так прекрасна в этот миг? От возбуждения? От ощущения опасности? Оттого, что произошло убийство? Ибо она стала свидетельницей убийства — возможно, даже пособницей.

А теперь к телефону.

— Полиция? Убийство! Моего мужа убили. Пожалуйста, приезжайте скорей.

И она дала наш адрес. Неплохая актриса. Ее голос впервые дрогнул от волнения. Но когда ее уверили, что полиция обязательно приедет, она не волновалась. Она

удивительно быстро стерла макияж, подпорченный утками с Нюхачом, надела ночную рубашку и халат, причесалась — а потом растрепала волосы, видимо приведя их в приличествующий случаю, по ее мнению, беспорядок. И села за стол — свой письменный стол, так как собиралась писать статью в ожидании, пока полиция позвонит снизу из подъезда.

Ждать ей пришлось недолго.

(4)

Конечно, вы хотите подробностей. Кто все эти люди? Начнем с Ньюхача. Его зовут Рэндалл Аллард Гоинг, и он настаивает, чтобы это имя произносили полностью — Аллард Гоинг, — поскольку оно древнее и знатное, во всяком случае для Канады. Один из его прапрапрадедов, сэр Элюред Гоинг, занимал высокий пост губернатора в наших краях, когда Канада еще была колонией. В одной старой церкви в городке Ниагара-на-Озере висит мемориальная табличка, прославляющая его достоинства жалобным слогом того времени: «Душа слишком великая, чтобы ее описать, и все же слишком добродетельная, чтобы укрыться от людских взоров... подлинное, не показное Смирение, Серьезность без Мрачности, Бодрость без Легкомыслия...» — и так далее, все в том же хвалебном стиле. Но в исторических трудах мало упоминаний про сэра Элюреда; скорее всего, он был просто очередным ничтожеством, которого Отчизна отравила в колонии, поскольку он вынужден был поступить в службу, но по недостатку связей не мог добиться места на родине. А в захолустном пруду канадского общества того времени он оказался крупной жабой и вошел на равных в круг первопоселенцев из знатных семей, который Ньюхач любит именовать «сквайрархией» и об исчезновении которого жалеет, так как сам хотел бы в нем числиться.

Держится Нюхач, как он сам считает, с достоинством; его манеры чуть-чуть слишком изысканны для того места в обществе, которое он занимает. Он всегда одет как на парад и даже слегка переигрывает, ибо, несмотря на молодость (если не ошибаюсь, ему тридцать два года), всегда ходит с тростью. В соответствии с выбранной ролью он считает, что ему необходимо всегда иметь при себе оружие, и трость, в которой спрятана сразившая меня дубинка, — его постоянная спутница. Он не крупный мужчина — действительно шпендрик, — но мнит себя д'Артаньяном. Он предпочел бы трость со спрятанной в ней шпагой, но, как сам объясняет немногим посвященным в тайну, дубинка больше подходит в наши времена, когда ограбить могут даже в богоспасаемом Торонто.

Но нельзя счесть Алларда Гоинга пшютом или дураком и на этом основании больше о нем не думать. Он вполне способный журналист и неплохой театральный критик, хотя и не настолько хороший, чтобы это устраивало меня как редактора. Не я нанял его в газету «Голос колоний», очень хорошую газету, где я служу редактором отдела культуры. Точнее, служил. Гоинга я унаследовал от своего предшественника. Я не пробывал на этом посту и трех лет к тому дню, когда Гоинг навеки отправил меня за штат.

Кличка Нюхач (он ее ненавидит) — плод юмора коллег-журналистов. Нюхач критикует современные пьесы, в которых сладострастно выискивает влияние известных драматургов, а найдя, использует как палку для битья авторов. Его любимое выражение — он пользуется им слишком часто, но мне не удалось его отучить: «Не пахнет ли этот новый опус мистера Такого-то Пинтером (или Ионеско, или Эйкборном, или даже Чеховым)?» Иными словами, Нюхач всячески пытается свети мистера Такого-то к наименьшему общему знамени-

телю. Он совершенно уверен, что ни одна пьеса, особенно если это первая проба пера, а драматург — канадец, не может быть оригинальной и сколько-нибудь значимой; автор наверняка заимствует (точнее, щедро черпает) из работ других драматургов, известных, скорее всего английских. (Нюхач принадлежит к вымирающей породе канадцев, для которых Англия до сих пор Старая Добрая Родина.)

Разумеется, коллеги по «Голосу», записные остряки (журналисты почти все такие), прозвали его Нюхачом. А ребята из спортивного отдела пошли дальше и мрачно намекают, что он в самом деле *нюхач*, то есть получает сексуальное удовлетворение, обнюхивая седла велосипедов, на которых ездили девочки-подростки. Нюхача такая инсинуация особенно бесит, поскольку сам он считает себя байроническим ловеласом — и не без оснований, как доказывает его успех у моей жены.

Его не любят, но вынужденно терпят из-за его талантов. Шутники из клуба журналистов дважды выдвигали его кандидатуру на звание «Говнюк года», но каждый раз в финальном голосовании его обходил какой-нибудь более серьезный претендент из числа политиков. Точнее будет сказать, что его не любят мужчины. Женщины — другое дело.

Моя жена, последний трофей Нюхача, слишком хороша для него; пока я не застал их, я отказывался верить слухам, которые любезно доносили до моих ушей добрые друзья.

Моя жена тоже работает в «Голосе», но не в моем отделе; она занимается журналистскими расследованиями и пользуется популярностью. Она пишет о женских проблемах в самом широком смысле этого слова, причем с убежденностью и тактом. Ее не назвать огнедышащей феминисткой, но она непоколебима в своем стрем-

лении добиться для женщин всего, на что они имеют право или даже просто претендуют. Она призывает своих сестер к большей политической активности и отстаивает право на аборты. Особенно хорошо у нее выходит сострадание, это мощное средство для умягчения публики. Она упорно борется за права избиваемых жен, детей — жертв инцестуального насилия и разнообразных бездомных женщин. Во всех этих вопросах я на ее стороне и восхищаюсь ею, хоть ее стиль и действует мне на нервы.

Ее зовут Эсме Баррон. От рождения она носила библейское имя Эдна, но еще в школе невзлюбила его и заявила родителям, что теперь ее зовут Эсме. Она знала, что это имя изначально было мужским, но все равно взяла именно его — возможно, то был первый решительный шаг в борьбе за права женщин. Если кто-нибудь решит, что она мужчина, — ну и пусть. Она делает хорошую карьеру как журналист и к моменту моего убийства начала успешно выступать по телевизору. Она не то чтобы красавица — хотя суждение о красоте не точная наука, — но, без сомнения, у нее прекрасная фигура и привлекательное, серьезное лицо. Она, как никто, умеет внушить собеседнику, что он для нее самый важный человек в мире, и умудряется передать это ощущение через телекамеру сотням тысяч зрителей. Каждый из них убежден, что она говорит с ним, и только с ним. При таком даре — удивительно ли, что она хотела продолжать свою карьеру в основном на ТВ и связалась с Нюхачом, поскольку он вроде бы обладал некоторым влиянием в тех кругах? Точно так же ее влекло ко мне, когда казалось, что я могу поспособствовать ее карьере журналистки. Я очень любил Эсме, а если она и любила меня меньше — или с некоторым расчетом, — то я совершенно определенно не первый мужчина, оказавшийся в таком положении.

Впрочем, я не ищу оправданий ее измене. Она могла бы сказать мне, что устала от нашего брака, и, наверно, я бы что-нибудь придумал. Она могла бы даже сказать, что предпочитает мне Алларда Гоинга, и я, отсмеявшись и поняв, что она не шутит, мог бы что-нибудь придумать и на этот случай. Если она хотела завязать интрижку с Нюхачом, я бы, наверно, потерпел какое-то время. Возможно, она не была уверена, что он в самом деле предоставит ей нужные блага, и собиралась поговорить со мной позже, выяснив, насколько он влиятелен и какую за это просит цену. Я совершенно уверен, что он не намеревался на ней жениться; он не мог существовать без череды побед и не мыслил себя в постоянных отношениях. Творец (он относил себя к творцам, ибо что такое критика, если не творчество?) должен быть свободен.

Полагаю, все это звучит ужасно банально и пошло, но нам не судьба жить на более высоком моральном уровне, чем окружающий нас мир. Однако то, что мне было суждено погибнуть от чужой руки, представило ситуацию в совершенно ином, мрачном свете.

(5)

А я, убитый? Меня звали — видимо, и до сих пор зовут — Коннор Гилмартин, и я редактор отдела культуры в газете «Голос». Таким образом, Аллард Гоинг — мой подчиненный; но я предпочитаю звать его коллегой, ибо у меня не в обычаях угнетать журналистов, работающих под моим руководством. Я признаю их право на значительную свободу творчества и даю не столько указания, сколько рекомендации; порой, однако, я совершенно не согласен с тем, что они говорят, и с тем, как они это говорят. Найти хороших — или хотя бы грамотных — журналистов чудовищно трудно, а когда я объясняю, что небрежная, сляпанная на скорую руку статья не так весома, как написанная хорошим стилем, они смеются. «Не забывайте, кто нас читает», — говорят они. Я-то как раз не забываю о читателях и убежден, что они вполне достойны хорошо написанных статей. Смотреть на читателей свысока и думать, что они, затаив дыхание, впитывают каждое газетное слово, — едва ли не самый тяжкий из журналистских грехов.

Моя епархия, как это называет Хью Макуэри, включает в себя не только театральных критиков, пишущих о драме, балете, опере и кинематографе, но и специалистов по музыке, живописи, архитектуре, разумеется, редактора по литературной критике и его рецензентов,

а также прочих людей в разных других, довольно случайных амплуа — журналистов, ведущих колонки по филателии, астрологии и религии. Под моим широким зонтом укрывается даже обозревательница ресторанов, известная среди нас под кличкой Мадам Утроба. Всем этим людям следовало бы числиться в отделе журналистских расследований, с Эсме, но организация дела в нашей газете местами оставляет желать лучшего. Макуэри, который ведет колонку о религии, — пожалуй, мой лучший друг. Многие находят это странным, ибо Макуэри, суровый шотландец, при первом знакомстве кажется не слишком приятным человеком. Я люблю время от времени заходить к нему в кабинет, чтобы выкурить трубочку, ибо он нераскаянный курильщик. Ярые противники табака, к которым принадлежит и моя жена, убедили директора запретить курение во всех местах общего пользования в нашем здании, но он не рискнул запретить сотрудникам курить и в своих личных кабинетах. Я в своем не курю, ибо Эсме утверждает, что я обязан подавать пример, но, когда мне хочется покурить и поговорить по душам, я убегаю к Хью.

Ну что, пока достаточно про меня? Я все еще витаю в своей квартире и наблюдаю за женой, понятия не имеющей, что я рядом. Я страшно удивился, увидев, что она отперла ключом ящик своего стола, вытащила пачку сигарет и закурила. Она курит в окно и осторожно выдувает дым наружу. Видимо, она потрясена сильнее, чем хочет показать, иначе ни за что не вернулась бы к старой привычке. Раньше она курила по две пачки в день — когда курение было частью ее имиджа светской женщины, ангела общественного сострадания.